Железные изделия кузнецы северо-востока Сибири умели изготавливать давно. Сегодня сложно сказать, откуда пришло в эти суровые и малогостеприимные края искусство обработки железа, но казачьими отписками зафиксировано, что в середине XVII века восточнее реки Лены (то есть за пределами компактного обитания якутов в то время) первопроходцы столкнулись с аборигенами, вооруженными железным оружием. Оно тогда рассматривалось как экзотика. Те же Семен Дежнев и Михайло Сладухин отдельно указывали в донесениях факты ранения стрелами с железными наконечниками и железными же ножами.

Сегодня уже сложно сказать, откуда первичная обработка железа пришла, на северо-востоке, с одной стороны, Ленский оазис населяли уже давно освоившие кузнечное мастерство якуты, с другой – пути проникновения ремесел вдоль морского побережья с юга были, по-видимому, результативнее сухопутных. Нельзя исключать и аборигенного возникновения этого вида производства, – но в любом случае очевидно, что к моменту прихода русских местные жители уже вступили в эпоху производительных отношений, известную как «железный век». Поэтому не до конца понятно и то, насколько традиционными являются для северо-восточного угла Охотского моря ножи, называемые паренскими (по названию бассейна реки Парень, в селах на берегах которой эти ножи изготавливались).

Впервые я познакомился с паренскими ножами в конце 1980-х годов, встретив один из них в коллекции магаданского любителя оружия Ярослава Бобылева. Именно там я обнаружил нож, непохожий на среднестатистический «северный» клинок с одним спуском, которых в то время было полно у орочонов и эвенов в этих местах. Ярослав обратил внимание на то, как я рассматриваю это изделие, и подтвердил: да, «тот самый», паренский.

И вот я на Камчатке, в гостях у умного, талантливого человека и очень интересного мастера Владимира Константиновича Сушко, человека, который воссоздал паренский нож и снова ввел его в обиход. Владимир Константинович – бывший вертолетчик, и познакомился с паренскими ножами там, в местах их «произрастания», в бассейне реки Парень. Навсегда остался заворожен их функционалом, продуманностью и рабочей эффективностью.

Я встречаюсь с Владимиром Константиновичем в его мастерской, расположенной в подвале музея – его частного музея, посвященного ремеслам и быту народов Камчатки и

во многом всякой охотничьей и морской зверобойной снасти. В собрании Владимира Константиновича есть несколько аутентичных паренских ножей – образцы, по которым он сегодня выстраивает свои изделия. Часть – с традиционными деревянными рукоятками из каменной березы, но вот один, например, с Корякского нагорья – с ручкой из рога снежного барана, увенчанный рогатой головой этого животного.

Владимир Константинович может, похоже, часами, рассказывать о качествах паренского ножа, о том, как он идеально, с его точки зрения, подходит для основных работ, с которыми сталкивается кочевой человек в тайге, тундре и на морском побережье – для работ по дереву, для разделки рыбы, для шкуросъёмных работ, для раскройки шкуры…

- А обушок, он не просто так обушок – вот так им кости раскалывают, чтобы мозг вытряхнуть, острие может быть чуть приподнято – удобно для прокола, этим ножом даже шить можно. Понимаешь? У оленеводов и прибрежных жителей этот нож мог быть одним инструментом на все работы, да и оружием в придачу, так как нет ну ничегошеньки показного и лишнего, всё столетиями оттачивалось.

При этом Владимир Сушко не ограничивается изготовлением ножей по мотивам и образцу паренского – он экспериментирует с новыми формами клинков и рукоятей, из его рук выходят настоящие произведения искусства, украшенные скримшоу, ценными металлами, моржовым зубом, мамонтовой костью. Совершенные сочетания, формы спусков, рукоятки – с одной стороны, выполненные в рамках традиций, с другой – адаптированные к современным эстетическим требованиям, – превращают ножи Владимира Сушко в самостоятельные и ни на что не похожие произведения искусства.

Одной из основных задач он видит воспитание нового мастеровитого поколения – обучает ремеслу детей и подростков. Это правильно, ибо многим людям легче понять прекрасное, именно прикоснувшись к нему руками. И все это происходит в окружении исторических артефактов, из которых полностью состоит интерьер как самой мастерской, так и музея, и самого дома.

С такими, как Владимир Константинович, можно не бояться, что безвозвратно пропадут исконные традиции, издревле поселившиеся на полуострове. Здесь они получают достойную преемственность и развитие, устремленные в будущее.

Так и формируется настоящий патриотизм и историческая преемственность у попадающей сюда молодежи Камчатки. Экскурсоводы приводят сюда туристов, а они уже впитывают то знание, которое невысокий человек с умными глазами сумел сделать понятным и общедоступным…

Михаил КРЕЧМАР,
журнал
«На острие клинка»

О воссоздании секретов паренских ножей нашим земляком Владимиром Сушко написал и другой журналист – Антон Турсуков из специализированного журнала о ножах и клинковом оружии «Прорез». Приводим выдержку из его статьи «Камчатка земля неземная».

«Уже не одно десятилетие идут дискуссии об этом феномене (паренском ноже. – ***Прим. ред.)***
среди кузнецов и найферов – любителей клинковых изделий.

Надо сказать, история этого традиционного корякского ножа запутанная и требует отдельного большого исследования. Отложим его пока. Но сохранилось достаточно документально подтвержденных фактов, говорящих о том, что еще задолго до революции, до первопроходцев-первооткрывателей местные племена коряков изготавливали клинковые орудия из металла. Каким способом они это делали и откуда брали материалы – опять же тема для отдельного исследования специалистами в различных областях науки.

Приведем лишь несколько выдержек из научных работ и рассказов исследователей, подтверждающих не только само существование, но и репутацию паренских ножей среди местного населения и торговцев.

Итак, река Парень впадает в западную часть вершины Пенжинской губы. Корякское название реки – Пойтываям – до сих пор знакомо коренным жителям села Парень, стоящего неподалеку от речного устья. Река Парень, известная русским первопроходцам со второй половины XVII века, была одним из естественных путей, связывающих земли пенжинских коряков с глубинными районами азиатского материка. Из многочисленных древних корякских поселений, располагавшихся некогда по северо-западному берегу Пенжинской губы (Ловаты, Начгаты, Тылхой, Куюл, Корночек, Хаимчик и др.), осталось лишь село Парень. Его издавна населяют береговые коряки, занимавшиеся морским зверобойным промыслом, рыболовством и охотой. Было развито у паренцев и кузнечное дело. Паренские мастера в прошлом считались лучшими кузнецами на всём северо-востоке Азии. Паренские ножи и копья в XVIII–XIX веках слыли непревзойденными по выковке и отделке металла. Сейчас древнее мастерство почти забыто».

Откуда же древние мастера брали металл и как его обрабатывали? На этот счет тоже есть несколько предположений.

Одним из источников получения металла для изготовления ножей могло быть «природное» самородное железо. Вот, например, в 1789 году о самородном железе есть упоминание в «Словаре коммерческом» В. Левшина: «Так называется железо, совсем приготовленное природою в недрах земных и совсем очищенное от веществ посторонних столько, что можно из него ковать без переплавки всякие вещи. Г. Руель получил через Восточно-Индийскую компанию кусок такого самородного железа из Сенегала, где находится оное в превеликих глыбах. Сей ученый химик ковал оное в прутки и нашел, что оное без переплавки на всякую поделку способно. В Сибири во многих местах находят самородное железо».

Еще историческое свидетельство, правда, из Якутии. «В ста верстах от озера Оринкина лежит невысокий, но лесистый Алазейский хребет; с западного крутого ската его текут реки в Индигирку, а с восточного, довольно отлогого, сливаются протоки Алазеи. В последних находится много железа хорошего качества. Якуты выделывают из него ножи, топоры и другие орудия».

Значит, и коряки, и якуты к XVII веку, а думается, и ранее, имели доступ к «самородному» железу и уже умели неплохо его обрабатывать. Сохранилось еще немало дореволюционных документов, подтверждающих этот факт, но пойдем дальше.

<…> Александр Пика, кандидат исторических наук в статье «Живущие у реки Пойтываям» дает обширное описание уже современной жизни селения Парень.

«…Пареньские коряки издавна населяют эти места. В составе корякского народа они составляют особое племя со своей территорией, историей, особым языком, культурно-духовной общностью. Их самоназвание «пой-толо» – живущие у реки Пойтываям. Эти люди никогда не были оленеводами, они береговые жители. Их нива – море и лес, их жатва – рыба, тюлени, киты летом, красные лисицы и белки зимой. Их традиционные партнеры по обмену – «чаучу», т. е. оленеводы. Было у пареньцев развито и кузнечное дело. В прошлом они считались лучшими кузнецами на всём северо-востоке Азии. Пареньские ножи и копья в XVIII–XIX веках охотно покупали русские, понимавшие толк в хорошем металле…

В Камчатском областном архиве я разыскал докладную записку о хозяйстве Парении в начале 1930-х годов, составленную краеведом Пенжинской культбазы Комитета Севера В. Аполловым. Он пишет: «Несмотря на примитивность и ограниченность орудий производства, Парень своей продукцией – ножами – до сегодняшнего дня снабжает не только население округа, но и частично туземцев всей Чукотки и Колымы». Кузнечным делом тогда занимались 22 человека, из которых одиннадцать считались отличными мастерами. По запискам Аполлова можно представить размеры этого промысла Парении: с ноября 1930 по март 1931 годов было изготовлено ножей, топоров, копий, багров для байдар на сумму почти 3 500 рублей. Что ни говори, а масштабы для поселка (207 человек) значительные.

Пареньские кузнецы знали технику инкрустации по металлу, их изделия были не только лучшими по качеству, но и самыми красивыми. Раньше с этим считались. На Гижиге до революции был государственный запасный магазин, куда специально для паренских коряков завозили железо»…

Заканчивая свое повествование, автор публикации Антон Турсуков написал про нашего земляка: «Конечно, не одним паренским ножом занимались в творческой мастерской В. Сушко. Его талант народного умельца быстро стал притягивать к себе последователей, соратников, учеников, которые, как и он, увлечены страстью к национальному камчатскому искусству. Вместе они изготавливают и другие уникальные вещи – это миниатюры из кости и дерева, обереги и брелоки, аутентичные национальные предметы, изделия из кожи и меха и многое другое.

Активная деятельность Владимира Константиновича и работы его творческой мастерской многократно отмечены грамотами, дипломами и медалями большого числа специализированных выставок. На них есть устойчивый спрос среди коллекционеров, ценителей клинковых изделий и национальных традиционных аутентичных вещей, туристов и предпринимателей».

Мы, в свою очередь, отдаем дань таланту нашего земляка Владимира Сушко, единственного на Камчатке члена Творческого Союза «Гильдия мастеров-оружейников» и желаем ему новых успехов в его благородном труде.

Соб. инф.